

СОЦИОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

© Гужавина Т.А.

ПРОТЕСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И РЕАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ: К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ

ГУЖАВИНА ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА

кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
отдела исследования уровня и образа жизни населения
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук
E-mail: tanja_gta@mail.ru

В работе рассматривается проблема перерастания протестных настроений в протестную активность. Несмотря на то что исследование социального протеста – достаточно разработанная часть политической социологии, остается еще немало теоретических аспектов, которые не получили общепризнанного решения. К их числу можно отнести вопрос об условиях перерастания протестных настроений в активный протест. В статье представлены некоторые результаты исследования протестных настроений в Вологодской области, которые позволяют фиксировать наличие стабильной группы носителей протестных настроений (потенциала протеста). В ходе анализа потенциала протеста установлено, что снижение социального самочувствия, наблюдаемое в ходе последних исследований общественного мнения жителей Вологодской области, тем не менее не приводит ни к значительному росту протестных настроений, ни к росту протестной активности. В рамках поля исследования наиболее эффективным каналом мобилизации индивидов становятся сети доверия. Формулируется поисковая задача для дальнейшего исследования протестного потенциала.

Потенциал протеста, факторы влияния, доверие, политическая социология.

Социальный протест – устойчивый объект анализа политологов и социологов. В политической социологии это достаточно устойчивая и хорошо разработанная область знания. Несмотря на это, можно выделить ряд теоретических аспектов, которые до сих пор не получили своего общепризнанного решения. Не вполне достаточным является наше осознание того, почему люди принимают участие в акциях протеста, почему близкие по своей сути проблемы в одном регионе мобилизуют население, а в другом оно сохраняет спокойствие. В связи с этим важно понять, какие факторы могут подвигнуть индивида перейти от готовности к участию непосредственно к готовности принять фактическое участие в протесте, каковы возможные коммуникационные каналы для мобилизации.

Как показывают результаты опросов общественного мнения в регионе, существует достаточно устойчивая группа населения, которую можно идентифицировать как группу потенциала протеста [1]. В состав данной группы входит около трети взрослого населения региона. Безусловно, вербальное выражение недовольства населения не означает автоматического перехода его носителей в разряд активных участников протестных действий (табл. 1).

Теории протеста рассматривают его как поведение в рамках политического участия. Иную объяснительную модель дает концепция недовольства. Недовольство трактуется как установка, что увязывается с концепцией политического отчуждения [5]. Например, А. Миллер рассматривает недовольство как чувство бессилия и отсутствия норм (две компоненты отчуждения). В свою очередь оно подкрепляется установкой отсутствия доверия к власти, чувством враждебности по отношению к лидерам или ощущением, что власть не работает для граждан [4, с. 951]. Данное направление исследований выделяет два среза в недовольстве, используя для измерения теории политической эффективно-

сти (бессилия) и политического (не)доверия или цинизма (отсутствия норм).

В качестве объяснительных моделей исследователи предлагают следующее. С одной стороны, подчеркивается связь между базовыми статусными позициями, выступающими в качестве ресурсов, которыми обладает индивид (возраст, доход, образование, групповая идентификация) и уровнем его политической эффективности/неэффективности. При этом наличие более высокого уровня и объема ресурсов связывается с более высоким уровнем политической эффективности. Наличие такой связи подтверждается данными мониторинга общественного мнения населения Вологодской области¹. Они позволяют выявить основные характеристики той части населения, которая является носителем протестных настроений (табл. 2).

Социальный портрет группы потенциала протеста говорит нам о том, что в ней присутствуют жители как городов, так и сел, принадлежащие к разным возрастным и образовательным группам. И тем не менее можно отметить некоторые отличительные характеристики этой группы. Преобладание жителей сельской местности однозначно связано с более сложным социально-экономическим положением людей. Гендерные различия не носят существенного характера. А вот то, что наиболее активны люди среднего возраста, вполне объяснимо. Молодежь еще ищет свое место в жизни, определяется с работой, создает семьи. Средний возраст уже более нагружен различными имущественными проблемами по содержанию и обучению детей, выплатам по ипотеке и кредитам. В этот период значительно более болезненно воспринимаются все потрясе-

¹ Мониторинг ИСЭРТ РАН осуществляется методом анкетирования по месту жительства респондентов. С периодичностью 1 раз в 2 месяца опрашивается 1500 человек в 10 муниципальных образованиях Вологодской области, а также г. Вологде и г. Череповце. Используется многоступенчатая районированная выборка с квотным отбором единиц наблюдения. Ошибка выборки не превышает 3%.

Таблица 1. Динамика потенциала протеста, % от числа опрошенных

Вариант ответа	1998 – 1999 г.г.	2007 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г., июнь
Потенциал протеста	37,3	20,6	19,9	20,2	16,0	18,9	20,6
Выйду на митинг, демонстрацию	9,4	9,6	10,9	10,3	10,0	10,3	12,1
Буду участвовать в забастовках, акциях протеста	12,7	5,7	4,7	5,7	2,6	4,1	4,4
Если надо, возьму оружие, пойду на баррикады	15,3	5,3	4,3	4,2	3,4	4,5	4,1

Источник: Данные мониторинга ИСЭРТ РАН 1998 – 2015 гг.

Таблица 2. Социальный портрет респондентов группы потенциала протеста (приведены средние значения), %

№	Вопрос, ответ	2007 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
1	Место жительства					
	Вологда	24,1	25,8	27,6	29,4	27,7
	Череповец	25,4	25,6	23,7	26,7	31,6
	Районы	50,5	48,6	48,8	43,9	40,8
2	Пол					
	Мужчины	51,0	50,6	50,9	49,6	51,2
	Женщины	49,0	49,4	49,1	50,4	48,9
3	Возраст					
	18 – 30	26,6	26,7	24,7	24,8	23,4
	31 – 55	47,4	48,5	49,8	47,2	48,3
	56 – 60	12,3	10,2	10,1	12,0	11,2
	60 и старше	13,7	14,5	15,5	16,1	17,1
4	Образование					
	Неполное среднее	7,2	6,2	5,1	7,8	7,9
	Среднее	28,6	27,6	30,7	26,8	32,3
	Среднее специальное	32,2	34,4	33,7	34,1	30,7
	Незаконченное высшее	8,2	6,1	6,3	6,3	5,8
	Высшее	19,8	25,5	23,8	24,8	23,0

Источник: Данные мониторинга ИСЭРТ РАН 2000 – 2015 гг.

ния экономического и социального характера. Эта же возрастная группа более уязвима в случае потери работы. Конкуренция на рынке труда воспринимается острее. Среди представителей данной группы преобладают люди со средним образованием, значительна доля имеющих высшее и незаконченное высшее образование. Каждый третий респондент из группы потенциала протеста имеет высшее образование. Образование можно рассматривать как фактор формирования группы. Оно позволяет понимать причины складывающейся ситуации, острее воспринимать провалы в социально-экономической политике, проводимой руководством как страны, так и области, понимать необходимость объединения для защиты своих интересов. С другой стороны, именно образование позволяет понять и предста-

вить все возможные последствия решений об участии в активных действиях.

В этой группе находятся, в частности, люди с низкой оценкой покупательной способности своих доходов. По данным мониторинга общественного мнения среди тех, кто отмечает вариант ответа «денег хватает только на еду», 34,1% входят в состав группы протеста, 34,3% позиционируют себя как «бедные и нищие» и, что вполне понятно, с негативной оценкой своего настроения («испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску» – 46,4% среди тех, кто относит себя к данной категории) 61,8% заявляют, что «терпеть наше бедственное положение уже невозможно».

В связи с этим можно предположить, что среди факторов, инициирующих протестную активность, фактор снижения уровня

жизни и, как следствие, ухудшения социального самочувствия населения может быть значимым. Однако выраженное недовольство не ведет к автоматическому росту протестного потенциала населения, равно как и к готовности участвовать в политических акциях. Имеет смысл указать на разрыв между явным ростом недовольства и практическим отсутствием динамики протестного потенциала в до- и послекризисный период.

Анализ имеющихся данных указывает на тот факт, что протестные настроения в 90-е годы носили более радикальный характер, что проявлялось в большей степени ориентации на насильственные формы. Так, доля тех, кто заявлял о своей готовности «если надо, возьму оружие, пойду на баррикады», за период 1998 – 1999 гг. составила 15,3%. В этот период каждый третий готов был принять участие в каких-либо акциях. За прошедшие годы склонность к таким видам, как выход на баррикады, участие в забастовках и других аналогичных акциях снизилась в 3 – 5 раз. К 2013 году потенциал протеста в регионе снизился более чем в два раза по сравнению с периодом 1998 – 1999 гг., достигнув в 2015 году уровня 2012 года. Анализ же динамики фактических протестных акций населения области вообще никак не соотносится ни с динамикой недовольства, ни с динамикой протестных настроений. Скорее можно говорить о лояльном и апатичном политическом поведении. Тем не менее до периода кризиса 90-х этот показатель еще далек. Безусловно, на снижении данного показателя сказались «тучные двухтысячные». В этот период наблюдался рост доходов населения, повышение уровня жизни.

Некоторый рост показателя в 2015 году и достижение им уровня 2012 года все же позволяет говорить о влиянии кризисных явлений на настроения населения. И 2012, и 2015 год – время, когда кризис в экономике стал ощутимо влиять на население. В сегодняшних условиях, когда люди ориентированы на материальное потребление, на

поддержку только своей семье либо на поддержку со стороны своей семьи, когда, возможно, в семье еще есть определенный запас ресурсов, снижение уровня социального самочувствия не является решающим фактором для перерастания потенциала протеста в активный протест. Тем не менее недооценивать фактор снижения уровня материального благосостояния нельзя.

Еще одна гипотеза, объясняющая протестное поведение населения (Гипотеза Гэмпсона), акцентирует внимание на фактор влияния политического недовольства на активизацию участия в протесте. Гипотеза Гэмпсона говорит о том, что участие лучше всего объясняется сочетанием доверия и эффективности, которая трактуется как ощущение возможности достижения результата в ходе активных действий. Считается, что среди тех, кто имеет сильное чувство политической эффективности, то есть уверен в эффективности действий, к действиям склонны прежде всего те, кто позиционирует себя как доверяющие, тогда как недоверчивые чаще склонны к пассивной позиции. У. Гэмпсон утверждает, что «комбинация высокого чувства политической эффективности и низкого политического доверия является оптимальным сочетанием для мобилизации – убеждение, что влияние и возможно, и необходимо» [3, с. 48]. Еще одно суждение в рамках данной гипотезы состоит в том, что среди тех, кто обладает высоким чувством политической эффективности, наиболее доверяющие будут участвовать реже. Причина в сложившейся у них удовлетворенности системой. То есть протестное участие должно быть выше у тех, кто сочетает низкий уровень доверия с высоким уровнем чувства политической эффективности. Что же касается измерения показателей доверия и политической эффективности, то в отечественных исследованиях этот аспект является малоизученным. Данное понятие было операционализировано в ряде зарубежных исследований, но в рос-

сийской практике еще предстоит определить и развести между собой различные аспекты эффективности и доверия, разработать и апробировать индикаторы измерения. На сегодняшний день можно утверждать, что в российских эмпирических исследованиях, направленных на описание и объяснение политического протеста, не учитываются основные компоненты, необходимые для оценки вероятности перерастания установок недовольства в протестное поведение, в частности, компоненты внешней и внутренней эффективности.

Операционализация концепции политического доверия требует значительной доработки. Так, у А. Миллера политическое доверие трактуется как «базовая оценочная или аффективная ориентация по отношению к власти» [4, с. 952]. У. Гэмсон доверие понимает как диффузную поддержку системы в соответствии с широко известной классификацией типов поддержки Дэвида Истона [2, с. 437]. Данные мониторинга среди жителей Вологодской области позволяют увидеть наличие этого компонента протестного синдрома. В 2015 году из состава группы, образующей потенциал протеста, В.В. Путину как политику доверие оказывали 22,3% респондентов, при этом в целом по области доверие президенту достигает 59% (табл. 3).

В рамках поля исследования протеста сети доверия являются наиболее вероятными каналами мобилизации индивидов в протестную деятельность. При этом имеющаяся очевидная фрагментация элементов данных сетей является одним из барьеров для перерастания установок недовольства в коллективное действие.

Очевидно, что наибольшей поддержкой пользуются те структуры федерального и регионального уровня, в руках которых реальная власть и материальные ресурсы, – Президент и Правительство страны. Достаточно высокий уровень доверия имеет Церковь. Впрочем, имеющиеся оценки неоднозначны. Можно наблюдать изменения

показателей как в сторону понижения (2012 год по отношению к 2008 году), так и в сторону роста (2014 год по отношению к 2012 году). Однозначно определить причины таких колебаний затруднительно, поскольку как понижение, так и повышение уровня доверия происходит в условиях развивающегося кризиса, сопровождающегося ростом инфляции, ростом цен, снижением уровня доходов. С другой стороны, можно наблюдать рост самостоятельности, активности. Необходимо отметить, что значительная часть респондентов уверена, что улучшение их жизни зависит от них самих. Как итог – индекс самостоятельности², рассчитываемый в рамках индекса социального самочувствия, в 2015 году достиг 180 пунктов (в 2012 году он составлял 170 пунктов).

Вместе с тем следует указать на возникновение в регионе новых типов коммуникационных, а вслед за ними и организационных сетей. Пока еще они слабо распространены, но уже начинают играть роль каналов мобилизации на коллективные действия. Это социальные сети, базирующиеся на интернет-технологиях. Как показывает мировой и российский опыт, они могут довольно эффективно выполнять роль каналов вовлечения в протестную деятельность и трансляции организационных инноваций протеста, расширяя тем самым репертуар протестного движения.

Сегодня можно констатировать наличие значительного массива эмпирических данных, относящихся к описанию и объяснению протестного поведения населения Вологодской области (да и всей России), тем не менее отсутствует интегральная теоретическая модель, увязывающая различные факторы возникновения предпосылок про-

² Индекс рассчитывается в процентах как разница между долей положительных и долей отрицательных ответов на вопросы-индикаторы. К этой разнице прибавляется 100, чтобы избежать отрицательных величин: каждый индекс изменяется в интервале от 0 до 200, а значение, равное 100, соответствует ситуации равновесия, когда доля положительных и доля отрицательных ответов совпадают.

Таблица 3. Определите, пожалуйста, свое отношение к действующим в стране общественным структурам и институтам власти (вариант ответа «доверяю»), % от числа опрошенных

Вариант ответа	2008 г.	2012 г.	2014 г.
Президент	65,2	45,7	58,7
Церковь	51,9	41,4	43,9
Правительство РФ	60,2	39,6	49,3
Суд	41,3	36,1	35,4
Руководство области	48,6	34,6	38,1
Прокуратура	40,9	33,9	37,7
ФСБ	43,8	33,2	35,9
Совет Федерации РФ	47,6	32,3	40,5
Армия	37,8	31,3	36,7
Государственная Дума	42,0	30,5	34,1

Источники: Данные ИСПИ РАН (по Российской Федерации): Как живешь, Россия? XXXVII этап социологического мониторинга, декабрь 2013 г. [Электронный ресурс] / В. К. Левашов, В. А. Афанасьев, О. П. Новоженина, И. С. Шушпанова. – М.: ИСПИ РАН, 2012. – 48 с.; Данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН (по Вологодской области).

теста и трансформации этих предпосылок в протест. Это формирует важную исследовательскую задачу – выявить основания для формирования установки недовольства,

а также то, какие процессы и факторы приводят к трансформации социально-психологической установки недовольства в реальное протестное поведение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гулин, К. А. Основные тенденции протестных настроений жителей Вологодской области [Текст] / К. А. Гулин, И. Н. Дементьева // Социологические исследования. – 2008. – № 11. – С. 64–71.
2. Easton, D. A Re-Assessment of the Concept of Political Support [Text] / D. Easton // British Journal of Political Science. – 1975. – № 5 (04). – P. 435–457.
3. Gamson, W. A. Power and discontent [Text] / W. A. Gamson. – Homewood, IL : Dorsey Press, 1968.
4. Miller, A. Political Issues and Trust in Government: 1964 – 1970 [Text] / A. Miller // American Political Science Review. – 1974. – Vol. 68 (September). – P. 951–972.
5. Olsen, M. Two Categories of Political Alienation [Text] / M. Olsen // Social Forces. – 1969. – Vol. 47. – № 3. – P. 288–299.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гужавина Татьяна Анатольевна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук. Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: tanja_gta@mail.ru. Тел.: (8202) 55-79-23.

Guzhavina T.A.

ON THE ISSUE OF STUDYING PROTEST POTENTIAL AND REAL PROTEST

This paper considers the issue of escalating protest sentiment in protest activity. Despite the fact that the study of social protest is quite a developed part of political sociology, there remains a lot of theoretical aspects that do not have a universally acceptable solution. One of them is the conditions under which protest sentiment develops into active protest. The article presents some results of the research into protest moods in the Vologda Oblast, which help define the presence of a stable group of carriers of protest sentiment (protest potential). The analysis of protest potential has found that the deterioration of social well-being observed in recent studies of public opinion of the Vologda Oblast residents does not, however, cause either a significant growth in protest sentiment or a growth in protest activity. Within the field of the research, the most effective way to mobilize individuals is the webs of trust. A search task is formulated for the further study of protest potential.

Protest potential, influence factors, trust, political sociology.

REFERENCES

1. Gulin K. A., Dement'eva I. N. Osnovnye tendentsii protestnykh nastroyenii zhitelei Vologodskoi oblasti [Main trends of protest moods of the Vologda Oblast residents]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2008, no. 11, pp. 64–71.
2. Easton D. A Re-Assessment of the concept of political support. *British journal of political science*, 1975, no. 5 (04), pp. 435–457.
3. Gamson W. A. *Power and discontent*. Homewood, IL : Dorsey Press, 1968.
4. Miller A. Political issues and trust in government: 1964 – 1970. *American political science review*, 1974, vol. 68 (September), pp. 951–972.
5. Olsen M. Two categories of political alienation. *Social forces*, 1969, vol. 47, no. 3, pp. 288–299.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Guzhavina Tat'yana Anatol'evna – Ph.D. in Philosophy, Leading Research Associate at the Department for the Studies of Lifestyles and Standards of Living. Federal Budgetary Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Science. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia. E-mail: tanja_gta@mail.ru. Phone.: +7(8202) 55-79-23.